

СТАТЬИ

Славяноведение, № 1

© 2001 г. *В.П. ГРАЧЕВ*

СЕРБСКИЙ ВОПРОС НА ПЕРЕГОВОРАХ 1812 ГОДА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БУХАРЕСТСКОГО МИРА

Бухарестский мирный договор от 16 (28) мая 1812 г является важной вехой в истории России и Турции, а также народов, населявших в начале XIX в. придунайские, кавказские и азиатские владения полиэтнической Османской империи. Важную роль он сыграл и в истории сербского народа. В восьмой статье этого международного соглашения были впервые признаны и зафиксированы положения, которые позднее легли в основу медленно и с осложнениями формировавшейся сербской государственности XIX в.

Заключенный в экстремальной ситуации М.И. Кутузовым и ратифицированный царем Александром I 11 (23) июня 1812 г. в Вильно, за день до нападения наполеоновских полчищ на Россию, Бухарестский договор, по справедливому признанию российских и зарубежных историков, представлял собой компромисс, условия которого не устраивали полностью ни одну из подписавших его сторон, ни тем более сербских повстанцев, которые во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. воевали на стороне России в надежде завоевать право на создание независимого сербского государства.

Изначальная неудовлетворенность сербов постановлениями ст. VIII Бухарестского договора была использована позднее западноевропейскими, а затем и сербскими политиками и историками в качестве одного из аргументов для доказательства непоследовательности, вероломства и агрессивности балканской политики России во второй половине XVIII–XIX в. Так, французские историки – А. Тьер, А. Сорель, А. Вандаль и другие, отрицая завоевательный характер наполеоновских войн и выдвигая на первый план агрессивные устремления восточной политики России в конце XVIII – начале XIX в., вслед за пропагандой Наполеона настойчиво убеждали читателей в том, что петербургский двор ложными обещаниями щедрой помощи вовлекал балканских христиан в войны с Турцией, а при заключении мира с ней бросал своих обманутых союзников на произвол свирепых турок [1]. С аналогичных позиций оценивали русско-турецкий Бухарестский мирный договор 1812 г. немецкие, австрийские и другие зарубежные историки XIX – первой половины XX в.: Ш. Быстрженовский, Х. Сор, Б. Куниберт, Г. Варди, И. Бакер, Б. Калай, С. Гопчевич и др. Например, Ш. Быстрженовский писал, что политики России накануне русско-турецкой войны 1806–1812 гг. переманили на свою сторону сербских повстанцев, затем спровоцировали среди них внутренний конфликт, а при заключении Буха-

Грачев Виктор Петрович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

рестского мира бросили их на произвол турок. При этом, утверждал он, в Петербурге были уверены, что слабая и мстительная Порта непременно доведет сербов до отчаяния, и они будут вынуждены вновь обратиться к России с просьбой о защите [2]. Г. Варди считал, что Россия при заключении мира с Турцией в 1812 г. была вынуждена идти на уступки, но ценой их оказалась Сербия [3]. И. Бакер в книге "Турция в Европе" оценивал политику России с таких же позиций. Возбудив в сербах надежду на щедрую помощь, полагал он, правительство России при заключении Бухарестского мира оставило их на произвол мстительных турок [4]. С. Гопчевич в 1916 г. также бездоказательно настаивал на том, что петербургский двор при заключении Бухарестского мира, не стесняясь, пожертвовал Сербией [5] (подробный анализ зарубежной историографии по теме см.: [6]).

Охарактеризованный выше в общих чертах стереотип оценок политики России при заключении Бухарестского мира 1812 г., который в XIX – начале XX в. прочно укоренился в трудах западноевропейских историков, со второй половины XIX в. начинает прослеживаться и в зарождавшейся сербской историографии. Например, Л. Арсениевич-Баталака в 1860-х годах писал, что участники сербского восстания 1804–1813 гг., соглашаясь принять помощь единоверной и единоплеменной России, еще не понимали того, что в политике не существует понятий "единоплемства" и "единоверства". Эта черта политики великих держав, по его мнению, отчетливо проявилась при подписании Россией Бухарестского договора. Правительство России, заключая выгодный для себя мир, пренебрегло всеми письменными и устными договорами с сербскими повстанцами и тем самым обрекло их на страдания, которые стали для сербского народа "горше чем Косово поле" [7].

С документами из российских архивов по истории сербского восстания 1804–1813 гг. сербские ученые В. Богишич, М. Вукичевич и Ст. Новакович имели возможность познакомиться только в конце XIX – начале XX в. [8]. Видный сербский политический деятель и историк второй половины XIX – начала XX в. Новакович, находясь под впечатлением от знакомства с документами из российских архивов, одним из первых в сербской историографии сделал выводы, которые не всегда совпадали со стереотипом оценок, который до того господствовал в западноевропейской и сербской историографии. В своем политико-историческом труде "Возрождение сербской государственности", опубликованном в 1904 г. к 100-летию начала сербского восстания 1804–1813 гг., Новакович, с одной стороны, отмечал, что сербские повстанцы, несомненно, были крайне недовольны постановлениями ст. VIII Бухарестского договора 1812 г., которые возвращали Сербию в состав Османской империи, а самих участников восстания оставляли на милость турок-победителей, чего сербы боялись пуще огня. Для того времени, т.е. для периода 1812–1813 гг., такая оценка ст. VIII с позиции сербских повстанцев, по мнению Новаковича, была вполне оправданной и, следовательно, справедливой. Но, с другой стороны, Новакович справедливо обращал внимание и на то, что "международный Бухарестский договор явился тем средством, благодаря которому, действительно, были спасены все достижения Первого восстания..., кроме некоторых городов Сербии". Без Бухарестского договора не могло быть и Второго сербского восстания в 1815 г. Более того, в ст. VIII Бухарестского договора 1812 г. заключался, по словам Новаковича, "зародыш возрождения сербского государства в XIX веке" [9].

Другой известный сербский историк второй половины XIX – начала XX в., М. Гаврилович, также признавал важность постановлений ст. VIII, зафиксированных в акте международного договора. Но, в отличие от Новаковича, он считал, что реализация этих постановлений зависела от договоренности сербских повстанцев с Портой, от действенной помощи России, от мудрости правителей Сербии и ряда других условий соответствующего периода. В этой связи Гаврилович пояснял, что после заключения Бухарестского мира сербские повстанцы хотели видеть в русско-турецком договоре не столько акт международного значения, а то, насколько он отражал требования народа в восставшей Сербии. "На самом же деле, – писал Гаврилович, –

Бухарестский договор отверг то положение вещей, которое было достигнуто в ходе восстания". В период переговоров и заключения Бухарестского мира сербы, по убеждению Гавриловича, уже считали себя фактически независимыми от Порты, и, таким образом, включение их в состав Османской империи означало не что иное, как сдачу на милость победителей, на что повстанцы и их верховный вождь Карагеоргий, естественно, не могли согласиться [10].

Говоря об источниковой базе, находившейся в распоряжении сербской и югославской историографии второй половины XIX – первой половины XX в., следует учитывать ее узость, односторонность и, следовательно, недостаточность. Основными источниками в тот период были мемуары участников восстания 1804–1813 гг., выписки из австрийских и, – в меньшей степени – из французских архивов. С материалами из российских архивов, как это отмечалось выше, имели возможность в большей или меньшей степени ознакомиться только В. Богишич, М. Вукичевич и Ст. Новакович.

В результате явно недостаточного привлечения документов из российских архивов в сербской и югославской историографии во второй половине XX в. укоренился устойчивый стереотип оценок Бухарестского договора 1812 г. и его ст. VIII в частности, основные положения которого сводятся к следующему. В процессе русско-турецких переговоров о заключении мира, которые велись в Джурджу и Бухаресте в 1811–1812 гг., правительство России и главное командование Дунайской армии никогда не советовались с сербами и не информировали их о результатах договоренности с турками по сербскому вопросу. Узнав о содержании ст. VIII от турок, сербы были поражены непоследовательностью петербургского двора, который в начале переговоров обещал сербам добиться для них полной независимости от Порты, а затем, молчаливо отодвинув сербский вопрос на задний план, даже не предусмотрел для них ни гарантий выполнения Портой ст. VIII, ни механизма примирения сербских повстанцев с турками и т.д. [11; 12; 13. С. 622–641]. По убеждению некоторых современных югославских историков, имевших возможность лучше познакомиться с документами из российских архивов, петербургский кабинет под угрозой нападения французов на Россию был вынужден не только снять вопрос о предоставлении сербам полной независимости, но и согласился на возвращение Сербии к положению, в котором она находилась до начала восстания, т.е. к ситуации 1803 г. "Статья VIII Бухарестского договора о мире, – писал П. Милосавлевич, – подтвердила это формально" [13. С. 638].

Российские историки XIX – начала XX в., исследовавшие проблему русско-турецкой войны 1806–1812 гг. [14–16; 17. С. 450–451] и историю Отечественной войны 1812 г. [18; 19], в основном сосредоточивали внимание на выяснении характера этих войн и важности отдельных военных операций. Дипломатический аспект решения сербского вопроса на переговорах в Джурджу и Бухаресте ими, как правило, освещался фрагментарно, а в оценках ст. VIII, чаще всего, выдвигались на первый план выгодные для сербов ее условия.

Недостаточная изученность данной проблемы в мировой научной литературе объясняется не только тенденциозностью зарубежной историографии, но и в значительной мере недостаточностью документов из российских архивов, бóльшая часть которых оставалась малоизвестной или неизвестной вообще до середины XX в. До этого времени издавались либо единичные первоисточники, либо небольшие подборки документов [20; 21]. Систематическая и целенаправленная публикация документов и материалов по истории внешней политики России XIX – начала XX в., русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и особенно по истории Первого сербского восстания 1804–1813 гг. стала осуществляться в период 40–80-х годов XX в. [22–25].

Принимая во внимание отсутствие специальных исследований по данной проблематике, а также разноречивость оценок и большой разброс мнений в отечественной и сербской историографии при освещении решения сербского вопроса на русско-турецких переговорах в Джурджу и Бухаресте в 1811–1812 гг., мною была предпринята

попытка выявить и систематизировать факты из опубликованных и доступных архивных источников, которые позволили бы восстановить весь переговорный процесс и ситуацию, в условиях которой пришлось принимать окончательное решение по весьма деликатному и болезненному вопросу о сербах.

Заинтересованность в окончании русско-турецкой войны 1806–1812 гг. у правительства России и Турции начинает прослеживаться еще с 1808 г. При назначении на должность главнокомандующего Дунайской армией Н.М. Каменского ему 7 (19) февраля 1810 г. были даны "полная мочь" на право ведения переговоров с верховным визирем об условиях заключения мира с Турцией и проект мирного договора, состоявший из 15 статей. В ст. VII проекта было сформулировано требование петербургского двора, касавшееся Сербии. В инструкции министра иностранных дел России Н.П. Румянцева по поводу этой статьи были даны следующие пояснения: "Хотя нельзя сказать того, что поведение управляющих в Сербии властей в отношении России заслуживало бы во всех случаях наше одобрение, но е.и.в-во, особливо уважая сербскую нацию вообще, желает потому на прочном основании утвердить ее благоденствие. Вследствие сего постановление, наиболее е.в-ву угодное, было бы то, чтобы Сербия оставалась совсем от Порты независимою и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России". "Точная и непременная" воля царя, по словам Румянцева, заключалась в том, "чтобы при заключении мира с Портою доставить земле сей все наивозможные выгоды". Однако в Петербурге понимали, что достижение этой цели будет сопряжено с большими препятствиями. Поэтому при решении сербского вопроса на предполагавшихся переговорах на Каменского не возлагалось "точных обязательств". Если мирные переговоры с Портой состоятся и турецкие уполномоченные откажутся признать независимость Сербии, то Каменский должен ограничиться требованиями, которых сербы добивались ранее. А именно: "Сами сербы, – писал Румянцев, – соглашалися оставаться данниками Порты, лишь бы затем держава сия (Турция. – *В.Г.*) не мешалась отнюдь ни во что во внутреннее у них управление..." Каменский же, согласно инструкции, должен был добиваться, чтобы сербы платили Порте "сколь можно умеренную дань". С учетом этих соображений и была составлена ст. VII проекта договора, полный текст которой формулировался следующим образом:

"Блистательная Оттоманская Порта по уважению к тому участию, каковое е.и.в-во самодержец всероссийский по единоверию с сербами приемлет в жребии их и в благоденствии, соглашается дозволить им учредить внутреннее у себя правление по собственному сего народа желанию и независимо ни от какой сторонней власти; позволяет также им оставаться во владении всех земель и крепостей, которыми владели они до начатия настоящей войны, не принуждая никого из жителей, ныне земли те и крепости населяющих, какой бы то нации они ни были и под каким бы то предлогом ни было, переменять место их пребывания, но оставя всякого в настоящем его жилище спокойно. Сербия же, со своей стороны, в признательность за все ей доставленные выгоды Блистательною Портою, имеет платить ей ежегодно дань, единожды навсегда положенную и определенную без всякой перемены. Дань таковую для внесения в казну Блистательной Порты Сербия будет доставлять в Константинополь со своими депутатами и потому для взымания оной не будут уже никогда поселяться в Сербию ни сборщики, ни же какие-либо другие военные или гражданские турецкие чиновники. В вящее же доказательство искренней дружбы своей к е.и.в-ву самодержцу всероссийскому Блистательная Порта Оттоманская принимает е.и.в-ва ручательство в верном и точном исполнении с обеих сторон всего, сею статьею относительно Сербии постановленного" [24. Т. V. С. 361–367. Н.П. Румянцев – Н.М. Каменскому, 7 (19) февраля 1810 г. Проект мирного трактата с Портой (Приложение к инструкции)].

При назначении М.И. Кутузова главнокомандующим Дунайской армией он также был снабжен полномочиями на право ведения переговоров и заключения мира с Турцией [26. Д. 1958. Л. 7–8. Александр I – М.И. Кутузову, 12 (24) апреля 1811 г.].

В инструкции Кутузову от 12 (24) апреля 1811 г. Румянцев писал, что царь "дает ему право на заключение мира на тех самых правилах, о коих писано к графу Каменскому 2-му" [26. Д. 1958. Л. 2–3. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 12 (24) апреля 1811 г.]. Получив полномочия и инструкцию по ведению мирных переговоров с Турцией, Кутузов 7 (19) мая отправил в Шумлу И.П. Фонтона с письмом, в котором предлагал новому верховному визирю Ахмед-паше прислать в Бухарест своих уполномоченных для ведения переговоров об условиях заключения мирного договора.

25 мая (6 июня) 1811 г. три турецких представителя прибыли в Бухарест и вступили в переговоры с А.Я. Италинским. Поняв, что российская сторона не намерена идти на уступки, рейс-эфенди 8 (20) июня предписал своим уполномоченным прекратить переговоры и передать Кутузову, что Порта, хоть и желает мира, но сможет заключить его только при непременном условии безусловной целостности ее европейских и азиатских владений.

После этого заявления военные операции на дунайском фронте возобновились, и турецкие войска в августе 1811 г. потерпели ряд поражений под Видином, Силистрией и Рущуком. 19 сентября (2 октября) 1811 г. Ахмед-паша прислал к Кутузову парламентера "со словестным и доверительным объяснением" по поводу возобновления переговоров о мире на условиях status quo ante bellum[1]. В связи с этим петербургский двор выдвинул четыре "главнейших" условия, от выполнения которых Портой зависело согласие российской стороны возобновить переговоры. Третье из "главнейших" условий касалось непосредственно сербов. Оно гласило: "Обеспечить жителей Сербии сколь можно согласно с желанием сербской нации". Н.П. Румянцев писал по этому поводу М.И. Кутузову: "Когда турецкие министры согласятся на сии четыре главнейшие статьи, то все прочие пункты мирного трактата е.и.в-во предоставляет Вам постановить по наилучшему Вашему... усмотрению и немедленно подписать окончательный мир, не теряя времени" [24. Т. VI. С. 181–182. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 30 сентября (12 октября) 1811 г.].

13 (25) октября 1811 г. турецкие уполномоченные прибыли в Джурджу, где тогда была ставка М.И. Кутузова. Несмотря на отсутствие у турецких представителей полномочий султана на ведение мирных переговоров, Кутузов все же согласился к ним приступить. Перед началом первой официальной конференции (заседания) Кутузов предупредил Румянцева, что, судя по предварительным разговорам с прибывшими турками, наибольшее затруднение возникнет при постановлении двух главнейших статей: о размерах денежной контрибуции, которую должна уплатить Порта, и о Белградской крепости, которую российские уполномоченные предполагают сохранить за сербами. Турецкие же уполномоченные, писал Кутузов, упрямо твердят: "Ежели оставить (Белградскую. – *В.Г.*) крепость в руках сих мужиков и пьяниц (т.е. сербов. – *В.Г.*), то отвечать нельзя, чтобы вскоре Белград не был продан ими за 1 тысячу червонных. Между тем как Белград есть ключ позиции Порты со стороны Баната" [17. С. 347].

Учитывая непримиримость турецких уполномоченных по поводу статьи о сербах, Кутузов писал в Петербург: "Вторая статья, подверженная непременному затруднению, есть сохранение за сербами Белградской крепости: сия статья, на которую Порта никогда не согласится, да и, действительно, не может она оставить ключ своих владений в руках у народа, ей недоброжелательного, и который по невежеству своему или корыстолюбию может при первой остуде Порты с Австриею впустить в столь важную крепость австрийские войска. Впрочем, теперь, когда мы не требуем более Валахии, не вижу я какой бы сие могло для нас быть пользы, а то потому и положил я вовсе о Белграде не упоминать, уверен будучи, что и турки о сем упоминать не будут" [24. Т. VI. С. 208–212. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 15 (27) октября 1811 г.]. Развивая эту мысль, Кутузов за день до начала первой конференции писал военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли: "Трудно будет удостоверить турков, что, оставя

[1] Положение, существовавшее до войны (лат.).

крепости в руках сербов, возможно будет их почитать своими подданными. Сербы, один раз будучи отделены от нас Большою и Малою Валахиею, конечно, будут искать покровительство австрийского дома... Чтобы, впрочем, удержать для сербов привилегии, как-то: собственное их правление, право доставления установленной подати через своих депутатов в Константинополь и неимения никаких турецких представителей, возможно будет назначить и постановить одну военную дорогу для прохода гарнизонов турецких, на что и турки согласятся" [23. С. 672–673. М.И. Кутузов – М.Б. Барклаю-де-Толли, 18 (30) октября 1811 г.].

Из Петербурга по этому поводу отвечали: "По представленным от Вашего высокопревосходительства весьма основательным причинам о трудности сохранить за сербами Белград и о маловажности от того для нас пользе е.в-во соизволяет, чтобы в том не упорствовать, но выговорить по крайней мере, чтобы кроме Белграда турецкие войска не занимали других крепостей в Сербии, чтобы внутреннее в оной земле управление установлено было по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России" [24. Т. VI. С. 215–216. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 26 (7 ноября) 1811 г.].

Открытие первой конференции мирного конгресса состоялось в Джурджу 19 (31) октября 1811 г. На ней обсуждались статьи о границах и о привилегиях для Валахии. Вопрос о Сербии не затрагивался [23. С. 684–685. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 29 октября (10 ноября) 1811 г.; С. 762. Примечание № 2]. Вскоре выяснилось, что верховный визирь Ахмед-паша предложил приступить к мирным переговорам для того, чтобы собрать новые войска и, подтянув их к Рущуку, начать новое наступление. Несмотря на это, Кутузов принял решение продолжать переговоры, не ставя на обсуждение каких бы то ни было вопросов о сербах, поскольку хорошо понимал "невозможность одержать все требуемые для них выгоды". "Отступая от оных (от сербов. – *В.Г.*) теперь, – писал Кутузов, – могли бы в случае разрыва (переговоров. – *В.Г.*) повредить влиянию нашему в том краю; турки, бессомненно, тогда бы воспользовались согласием нашим на уступку им Белграда, дабы представить сие легковерным сербам в доказательство, сколь мало мы о их благосостоянии печемся и что мы жертвуем ими собственным нашим выгодам" [24. Т. VI. С. 237–239. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 10 (22) ноября 1811 г.]. Придерживаясь этого принципа, российские уполномоченные на всех одиннадцати конференциях, проходивших в Джурджу с 19 октября (1 ноября) по 7 (19) ноября 1811 г., вопросы о Сербии не обсуждали вообще (о повестке дня одиннадцати конференций см. [17. С. 346–351]).

На двенадцатой конференции, состоявшейся 17 (29) ноября, первый уполномоченный с турецкой стороны Галиб-эфенди объявил, что султан дезавуирует прежнее соглашение признать границу по реке Серет. В частной же беседе с А.Я. Италинским, состоявшейся 18 (30) ноября, Галиб-эфенди сообщил, что султан согласен предоставить сербам права и привилегии, которыми пользуются все подданные Османской империи. Однако султан категорически возражает против включения в текст мирного договора между Россией и Турцией не только особой статьи о сербах, но и любых постановлений о них, которые могли бы поставить под сомнение суверенитет его империи. В ответ на это Италинский решительно заявил, что если султан и Порта не признают законных прав сербов, то те – согласно протокольной записи беседы – "будут вынуждены обратиться за помощью к какой-либо иностранной державе в надежде улучшить свое положение" [24. Т. VI. С. 244–245. Приложение "Д" к депеше М.И. Кутузова – Н.П. Румянцеву от 28 ноября 1811 г.].

На тринадцатой конференции, состоявшейся 21 ноября (3 декабря) 1811 г., был подписан протокол о прекращении переговоров. 22 ноября (4 декабря) Александр I дал указание Кутузову возобновить военные действия, которые, как полагал царь, принудят турок сделать новый шаг к сближению. Если турки будут настаивать на возобновлении переговоров о мире, то российские уполномоченные, согласно указаниям Александра I, должны будут руководствоваться следующими условиями: "1) чтобы река Серет была принята границею, так как о том было уже согласо-

вано; 2) что о Сербии сделано будет постановление, обеспечивающее спокойное и безмятежное существование сей нации; 3) относительно границ в Азии, о чем е. в-во подтверждает все то, что по сей статье сообщил я в. сият-ву... 12 числа сего месяца" [24. Т. VI. С. 242–243. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 22 ноября (4 декабря) 1811 г.].

Между тем, окруженная в начале октября 1811 г. турецкая армия под Рущуком, страдая от наступивших холодов, болезней и голода, несла огромные потери. В конце ноября из 36 тыс. человек в ней оставалось не более 12 тыс., из 8 тыс. лошадей – 60 голов [23. С. 719. М.И. Кутузов – П.И. Багратиону, 29 ноября (11 декабря) 1811 г.]. 25 ноября (7 декабря) верховный визирь был вынужден подписать соглашение о передаче остатков своей армии "на сохранение" российской стороне, что означало добровольную сдачу в плен [17. С. 357].

В конце ноября – начале декабря 1811 г. ставка Кутузова переместилась из Джурджу в Бухарест, куда переехали и все российские уполномоченные, назначенные для ведения переговоров с турками о мире [23. С. 709. М.И. Кутузов – М.Б. Барклаю-де-Толли, 26 ноября (8 декабря) 1811 г.].

Таким образом, следующая, четырнадцатая, конференция состоялась уже в Бухаресте 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.). Несмотря на капитуляцию своей армии, турецкие уполномоченные объявили, что султан по-прежнему отказывается утвердить статьи о границах в Европе и Азии, а также включить в договор статью о Сербии. Российские уполномоченные, со своей стороны, объявили о решительном отказе царя признавать иную границу, кроме как по Серету, и настаивали на включении в мирный договор статьи о сербах, которая гарантировала бы им безопасность, свободу и право выбора ими самими формы внутреннего управления. А.Я. Италинский официально объявил, что если турецкие уполномоченные откажутся признать эти три главнейшие требования российской стороны, то переговоры вновь будут прекращены, а Кутузов возобновит военные действия и двинет свое войско вглубь Румелии, которая после капитуляции турецкой армии осталась без надежной защиты [23. С. 764–780. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 3 (15) января 1812 г.; 24. Д. 1982. Л. 34–44. Протокол четырнадцатой конференции]. Галиб-эфенди просил воздержаться от столь решительных действий до получения инструкций из Стамбула. Понимая, что Галиб-эфенди пытается выиграть время, Кутузов 30 декабря 1811 г. (11 января 1812 г.) отдал приказ о возобновлении военных действий, но согласился на пребывание турецких уполномоченных в Бухаресте [23. С. 762. М.И. Кутузов – А.П. Зассу, 31 декабря 1811 (12 января 1812 г.); 27. Ф. 14209. Оп. 3/163[б]. Св. 17. Д. 14. Ч. 2. Л. 1. Циркулярное письмо М.И. Кутузова по армии от 2 (14) января]. По указанию Кутузова, российский дипломатический представитель в Сербии Ф.И. Недоба в начале января 1812 г. известил Карагеоргия и Правительствующий Совет Сербский о возобновлении военных действий с турками [25. С. 244. Ф.И. Недоба – А.П. Зассу, 9 (21) января 1812 г.].

В начале января 1812 г. в ставку Кутузова была послана сербская депутация в составе Я. Ненадовича, С. Марковича и М. Груйовича. По прибытии в Бухарест депутаты объявили, что цель их поездки, как писал Кутузов, "состоит единственно в том, чтобы повергнуть и себя и весь народ сербский к ...стопам е. и. в-ва и просить продолжения к оному высочайшего покровительства государя императора". Получив от Кутузова разрешение на поездку в Петербург, подорожные документы и деньги, сербские депутаты в сопровождении подпоручика российской армии Радича 12 (24) января выехали из Бухареста. В столицу России депутаты прибыли 4 (16) февраля, а 8 (20) февраля были приняты министром иностранных дел Н.П. Румянцевым.

Пока сербская депутация добиралась до Петербурга, английский и шведский послы в Турции, Каннинг и Гамель, пытались внушить Порте мысль о выгоде для нее скорейшего заключения мира с Россией. Однако вопреки их демаршам султан категорически запретил своим уполномоченным, которые еще продолжали оставаться в Бухаресте, соглашаться на уступки в Азии и обсуждать статьи о Валахии и Сербии. Его

инструкция об этом была доставлена верховному визирю 4 (16) марта, а Кутузов был ознакомлен с ней через день. Эти условия, естественно, не удовлетворили Кутузова, и переговоры не были возобновлены [23. С. 834–835. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 6 (18) марта 1812 г.; 17. С. 363, 371–374].

По получении донесений от Кутузова и известий из Константинополя от английского и шведского послов о нежелании Порты идти на уступки в Петербурге поняли, что политика угроз и лестных обещаний не может дать желаемых результатов. Тогда Александр I 22 марта (3 апреля) 1812 г. отправил Кутузову собственноручное секретное послание, в котором писал: "Обстоятельства час от часу становятся важнее для обеих империй. Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира с Портою. Убедительнейше Вас взываю любовию к своему отечеству обратить все Ваше внимание и усилия к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все побочные занятия и с тем проницанием, каковым Вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу. Для единственного Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашему желанию, то убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит заключение мира, можете Вы сделать необходимую уступку в статьях о границе Азии: в самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, полагая Прут по впадению оного в Дунай границею. Но сие вверяю я личной Вашей ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо без изъятия не было известно о сем моем дозволении до самого часу подписи (договора. – *В.Г.*). На сию однако же столь важную уступку не иначе повелеваю Вам согласиться, как постановя союзный трактат с Портою. Я надеюсь, что Вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите из виду ничего нужного к достижению желаемой цели" [21. С. 27–28; 23. С. 850–851. Александр I – М.И. Кутузову, 22 марта (3 апреля) 1812 г.].

Обострение международной обстановки в Европе и угроза наполеоновского вторжения в Россию вынуждали петербургский двор идти на уступки и по другим статьям русско-турецкого договора. Тогда же Александр I сообщил Кутузову, что он не будет возражать, если султан сам "начертает постановление" о сербах. Однако царь продолжал настаивать, чтобы статья о сербах непременно была включена в договор, а в ней присутствовал пункт о предоставлении Сербии "свободного внутреннего управления". В инструкции от 22 марта (3 апреля) 1812 г. Румянцев сделал следующие пояснения по этому поводу: "Относительно Сербии обеспечить спокойное существование сей нации обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее в оной земле управление, но предоставит то на волю и произвол жителей. Государь император не оспаривает султану ни право взымать по-прежнему дань с Сербии, ни других преимуществ, которые могут служить к ознаменованию владычества его над сею землею, а вящее доказательство искреннего своего расположения и по сей статье его же султанову величеству предоставляет начертать в свое время, как он за благо признает, постановление между двумя дворами о сей нации, довольствуясь, чтобы в мирном трактате одно то в пользу ее было выговорено, что во внутреннем у себя управлении будет она совершенно свободна" [24. Т. VI. С. 737–738. Примечание 362. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 22 марта (3 апреля) 1812 г.]. Есть основание полагать, что основные положения статьи о сербах были согласованы и с сербскими депутатами, которые к этому времени уже были приняты Александром I, императрицей Елизаветой Алексеевной и другими членами императорской фамилии, а также некоторыми министрами и членами Государственного Совета. Подписанное Я. Ненадовичем, С. Марковичем и М. Груйовичем прошение сербского народа депутаты вручили Н.П. Румянцеву 5 (17) марта 1812 г. [25. С. 245–247. Сербские депутаты – Н.П. Румянцеву, 5 (17) марта 1812 г.].

По получении новых инструкций, М.И. Кутузов 3 (15) апреля сообщил турецким уполномоченным "ультимативные условия" по поводу главнейших статей, которые будут обсуждаться на очередной конференции: "Река Серет является… границей двух

империй в Европе; спокойное существование сербов будет гарантировано обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее управление этой нации, а предоставит это ей самой". Тогда же Кутузов намекнул Галиб-эфенди, что российский император не намерен оспаривать у султана его право на суверенитет в отношении Сербии и получение с сербов подати. "Чтобы дать наиболее убедительное доказательство в искренности его (царя. – *В.Г.*) намерений по этому поводу, – сказал Кутузов Галиб-эфенди, – е. и. в-во предоставляет великому государю установить в свое время порядок отношений между обоими дворами касательно этой нации и довольствуется лишь тем, чтобы в трактате было упомянуто в пользу сербов, что они будут совершенно независимы в своем внутреннем управлении". Галиб-эфенди отвечал на это: "В отношении Сербии Порта Оттоманская соглашается включить в трактат статью, содержащую только помилование и общую амнистию сербам, а также обеспечение их безопасности и спокойствия" [23. С. 377. Протокол неофициальной беседы М.И. Кутузова с Галиб-эфенди, 4 (16) апреля 1812 г.]. Однако Галиб-эфенди не был уверен в том, что султан согласится на эту уступку и разрешит включить в договор отдельную статью о Сербии даже в такой редакции. Поэтому он в очередной раз запросил инструкции у верховного визиря и Порты (т.е. правительства) по поводу статьи о сербах и других спорных статей.

Становилось очевидным, что турецкая сторона сознательно затягивает переговоры в ожидании того, чем разрешатся обострившиеся до предела русско-французские отношения. В Петербурге же считали, что Кутузов недостаточно энергично ведет дело в нужном направлении. Царь уже не скрывал своего раздражения в отношении нелюбимого им военачальника и неторопливого дипломата екатерининской эпохи. В надежде ускорить переговорный процесс о заключении мирного и союзного договора с Турцией, а заодно приступить и к реализации плана адриатической экспедиции, предусматривавшего диверсию в тыл французской армии, Александр I принял решение заменить Кутузова своим любимцем, адмиралом П.В. Чичаговым, который был одним из авторов проекта названной морской экспедиции (О плане адриатической экспедиции см.: [28]).

В апреле 1812 г. усилили давление на Порту французские и австрийские дипломаты. Латур-Мобург передал султану предложение Наполеона заключить союзный договор с Турцией, по которому Франция обязывалась возвратить Порте все владения, которые были завоеваны Россией у Турции в течение последних шестидесяти лет, и гарантировать целостность Османской империи. Австрийский интернунций (посол) И. Штюрмер, со своей стороны, убеждал Порту в том, что венский двор также готов подписать обязательство сохранять в неприкосновенности ее владения. Если же Порта заключит мир с Россией и уступит ей часть своих владений, то Австрия и Франция такого договора не признают [26. Д. 1922. Л. 207–211. И.П. Фонтон – М.И. Кутузову, апрель (б/ч) 1812 г.; 23. С. 890–891. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 3 (15) мая 1812 г. Примечание № 1]. Вялые демарши английского посла в Турции Каннинга, пытавшегося убедить Порту отказаться от "обольстительных" предложений Наполеона, не имели успеха. Не на много убедительнее были доводы и шведского посланника Гамеля, который пытался доказать турецким чиновникам, что в случае поражения России в войне с Наполеоном будет порабощена и вся Европа. Чтобы спасти северные и южные окраины Европейского континента, Турции было бы выгоднее объединиться с Россией. Трудно сказать, к каким советам больше прислушивался молодой султан Махмуд II, однако в середине апреля 1812 г. он отправил в Бухарест инструкцию турецким уполномоченным с предписанием возобновить переговоры об условиях заключения мира с Россией [23. С. 285–286. М.И. Кутузов – Александру I, 29 апреля (11 мая) 1812 г.; 17. С. 374–375].

Еще до начала очередной конференции Галиб-эфенди в частной беседе с Кутузовым заявил, что российский вариант статьи о сербах не позволяет султану принимать самостоятельные решения без согласия российского монарха. Поэтому, с точки зрения турецких уполномоченных, писал Кутузов, "это требование наше само собою

опровергает право владычества, которое мы представить султану желаем" [23. С. 371–377. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 19 апреля (1 мая) 1812 г.].

По получении официального предложения от верховного визиря возобновить и довести до конца переговоры о заключении мира, Кутузов 18 (30) апреля подписал инструкцию российским уполномоченным, в основу которой были положены "ультимативные требования" Александра I от 22 марта 1812 г. Первая статья инструкции Кутузова касалась непосредственно Сербии. При ее составлении главнокомандующий попытался увязать между собой требование Александра I и приведенное нами замечание Галиб-эфенди. В новой редакции статьи о Сербии Кутузов соглашался, чтобы Порта сама, без посредства России, обеспечила и гарантировала "мирное и спокойное существование сербов и предоставление им возможности самим устанавливать систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление; при этом суверенные права султана ни в какой мере не должны быть ущемлены или умалены" [25. С. 251–252. Инструкция М.И. Кутузова уполномоченным на переговорах от 18 (30) апреля 1812 г.].

На пятнадцатой конференции Бухарестского конгресса, которая открылась 19 апреля (1 мая) 1812 г., Галиб-эфенди, вопреки прежней договоренности, объявил, что султан не согласен на уступки своих владений в Азии и Европе, а для сербов может обещать только прощение и забвение их прошлых деяний. Кутузов написал царю по этому поводу: "Порта не имеет искреннего желания к миру", и поэтому он, Кутузов, был вынужден объявить Галиб-эфенди, что "все, мною при откровенных разговорах сказанное, было предано забвению и com non avenu" [2] [23. С. 880–882. М.И. Кутузов – Александру I, 20 апреля (2 мая) 1812 г.]. На шестнадцатой конференции российские уполномоченные 20 апреля (2 мая) 1812 г. поставили условие: если турецкая сторона откажется решать вопросы о границах, то обсуждение других статей становится бессмысленным. После этого переговоры были прерваны до получения инструкций из Стамбула [23. С. 887. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 29 апреля (11 мая) 1812 г.].

В расчете оказать давление на ход переговоров в Бухаресте и добиться новых уступок со стороны России, верховный визирь Ахмед-паша 23 апреля (5 мая) отправил Карагеоргию письмо, в котором говорилось, что по приказу султана пашам Румелии и Боснии разосланы распоряжения готовить войска к походу на Сербию. "Когда разгорится брань, – писал Ахмед-паша, – знаю я, да и вы знаете, что бедный народ попран будет ногами, будет разорен и пленен, и с обеих сторон много крови прольется. Того ради предупреждаю вас, ибо у нас в обыкновении извещать наперед о том, что быть имеет. Вы знаете, что все сербы и весь народ, находящийся там, все были царские (султановы. – *В.Г.*) подданные, да и теперь, если хотите быть подданными, я могу упросить царя, чтобы простил всю страну вашу, и что было доселе да предается забвению, как относительно народа, так и всех старейшин, и чтобы любил вас и более нежели прежде. Сие есть в моей руке, и я могу то сделать. К тому извещаю вас, что ежели имеете намерение просить, искать или связать что-либо (договориться о чем-либо. – *В.Г.*) с царем нашим, я и то могу окончить и утвердить, и связать дело с царем нашим, так как вы желаете и в уме имеете, ибо я есмь царский главнокомандующий, сераскир, и все то, что скажу, царь не развяжет. К тому, однако же, должен ты ведать, что никто другой не должен вмешиваться, но токмо я, и ты, и наш царь да ведаемо; и если сему что-либо подобное думаете связать, то ты по получении сего моего письма пошли ко мне верного и разумного человека и скажи ему, что мысль твою мне изъявил, потом я его отправлю к вам. Особенно пусть идет сюда тот, кого назначишь, чтобы никакого сумнения не имел" [27. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 12. Л. 53–54. Хуршид Ахмед-паша – Карагеоргию, 23 апреля (5 мая) 1812 г.].

Между тем в начале мая стало очевидно, что международная ситуация в Европе стала крайне неблагоприятной для России. М.И. Кутузов лучше других понимал это и, по его собственному признанию, был вынужден пойти "на самую крайность". После

---

[2] Как не имевшее место (лат.).

некоторых колебаний он, наконец, решил воспользоваться тайным разрешением Александра I установить границу с Турцией по реке Прут и сделать уступки по другим статьям. В проекте статей, приложенных к новой инструкции Кутузова российским уполномоченным от 3 (15) мая, указывалось: "К статье, относящейся к сербам, предложенной раньше Высокой Портой, будет добавлено, что, по настоятельной просьбе того народа, ему будет даровано устройство применительно к жителям (Ионических. – *В.Г.*) островов и некоторых других областей; как в смысле внутреннего управления, так и в отношении и порядка взымания податей" [23. С. 392–393. Приложения к инструкции М.И. Кутузова уполномоченным от 3 (15) мая 1812 г.]. 4 (16) мая на совещании российских и турецких уполномоченных состоялось обсуждение статей, которые должны были быть предложены на очередной, семнадцатой, конференции, а 5 (17) мая был составлен текст проекта мирного договора, состоявший из шести прелиминарных статей. "Вышеупомянутые шесть параграфов, – говорилось в протоколе совещания, – долженствуют в дальнейшем быть утверждены, отредактированы и включены в трактат, дабы при божьей помощи установить полный мир и дружбу". Ст. IV проекта о сербах гласила: "Хотя нет сомнений, что Блистательная Порта, следуя своим принципам, проявит милосердие и великодушие по отношению к сербскому народу, который издавна подвластен этой державе и платит ей дань, но учитывая то участие, которое сербы принимали во время этой войны в боевых действиях, было признано необходимым вполне определенно обусловить их безопасность. В силу этого Блистательная Порта дарует сербам прощение и всеобщую амнистию, и они не будут подвергнуты каким-либо репрессиям за их действия в прошлом. Крепости, которые они могли воздвигнуть в продолжении военных действий на землях, на которых сами проживают и которые не существовали прежде, впредь, становясь бесполезными, будут разрушены. Блистательной Порте будут возвращены во владение все прежде существовавшие крепости, паланки и другие укрепления с артиллерией, припасами и прочим военным имуществом, и она будет располагать в этих укреплениях свои гарнизоны так, как ей заблагорассудится. Однако для того, чтобы эти гарнизоны не притесняли сербов, что противоречило бы правам сербов, как ее подданных, Блистательная Порта, движимая чувством великодушия, обещается договориться с сербским народом о необходимых мерах безопасности. Она предоставляет сербам по их требованиям те же преимущества, которыми пользуются подданные островов Архипелага и других областей, и распространит на них свое высокое благоволение, предоставляя им самим самоуправление в их внутренних делах, устанавливая общую дань, собираемую от них непосредственно" [23. С. 897–899. Предварительные условия Бухарестского договора, подписанные 5 (17) мая 1812 г.].

От имени России предварительные условия мирного договора от 5 (17) мая 1812 г. подписали: А.Я. Италинский, И. Сабанеев, И. Фонтон. В тот же день они были утверждены и М.И. Кутузовым. Рапортуя царю об этом долгожданном событии, Кутузов 7 (19) мая 1812 г. писал: "Прелиминарные статьи мирного с Портой трактата... действительно, подписаны и обоюдными полномочными разменяны 5-го числа сего месяца". Копию на французском языке Кутузов отправил в Петербург, а оригинал на турецком языке за подписями турецких уполномоченных был оставлен в канцелярии Дунайской армии [23. С. 896–897. М.И. Кутузов – Александру I, 7 (19) мая 1812 г.]. На семнадцатой конференции Бухарестского конгресса 8 (20) мая 1812 г. была подписана статья о прекращении военных действий между Россией и Турцией, а также статья об амнистии всем принимавшим участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. На восемнадцатой конференции, состоявшейся 9 (21) мая, обсуждался вопрос о сроках вывода российских войск из владений Османской империи [17. С. 380]. 11 (23) мая верховный визирь Ахмед-паша поставил свою подпись под прелиминарным договором, подписанным 5 (17) мая турецкими и российскими уполномоченными [23. С. 902. Хуршид Ахмед-паша – М.И. Кутузову, 11 (23) мая 1812 г.]. 12 (24) мая Кутузов издал приказ о передаче главного командования Дунайской

армией П.В. Чичагову, но продолжил вести переговоры до подписания окончательного текста мирного договора [23. С. 902–904. Приказ М.И. Кутузова по армии от 12 (24) мая 1812 г.; 23. С. 900. М.И. Кутузов – С.Я. Репнинскому, 8 (20) мая 1812 г.].

Церемония подписания окончательного текста договора о мире между Россией и Турцией состоялась 16 (28) мая 1812 г. на последней, девятнадцатой, конференции Бухарестского конгресса. Русско-турецкий договор о мире состоял из 16 статей. Сербский вопрос разрешался ст. VIII Бухарестского договора, которая в окончательной редакции гласила: "Сообразно тому, что постановлено статьей IV предварительных пунктов (от 5 (17) мая 1812 г. – *В.Г.*), хотя и нет никакого сомнения, что Блистательная Порта по правилам своим употребит снисхождение и великодушие против народа сербского, как издревле подданного сей державе и дань ей платящего, однако же, взирая на участие, какое сербы принимали в действиях сей войны, признано за приличное постановить нарочные условия о их безопасности. Вследствие чего Блистательная Порта дарует сербам прощение и общую амнистию, и они ни коим образом не могут быть обеспокоены за прошедшие их деяния. Крепости, какие могли они построить по случаю войны в землях, ими обитаемых, и коих там не было прежде, будут, так как оные для будущего времени бесполезны, разрушены, и Блистательная Порта вступит во владения по-прежнему всеми крепостями, паланками и другими укрепленными местами, издревле существующими, с артиллериею, военными припасами и другими предметами и военными снарядами, и она там учредит гарнизоны по своему благоусмотрению. Но дабы сии гарнизоны не делали сербам никаких препятствий в противность прав, подданным принадлежащих, то Блистательная Порта, движимая чувствами милосердия, примет на сей конец с народом сербским меры, нужные для его безопасности. Она дарует сербам по их просьбе те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, и даст им восчувствовать действие великодушия ее, предоставив им самим управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским" [24. Т. VI. С. 414].

По условиям ст. XI Бухарестского договора российские войска должны были быть выведены из Дунайских княжеств и из Азии в трехмесячный срок, считая со дня обмена ратификационными грамотами. В соответствии со ст. XV и XVI Бухарестский договор должен был быть утвержден великим визирем и Кутузовым в течение десяти дней, а царем и султаном не позднее четырех недель со дня подписания [24. Т. VI. С. 415–416]. До истечения этого срока Порта не имела права вмешиваться в управление и порядок, которые существовали на территории, занимаемой российскими войсками [24. Т. VI. С. 406–416. Русско-турецкий мирный договор от 16 (28) мая 1812 г.].

М.И. Кутузов утвердил Бухарестский договор в день его подписания уполномоченными, т.е. 16 (28) мая, Александр I ратифицировал текст договора и приложенные к нему секретные статьи 11 (23) июня, т.е. за день до вторжения наполеоновских полчищ в Россию. Возражая против включения в договор секретных статей и настаивая на изменении редакции ст. VIII о сербах, а также статьи о границах в Азии, султан Махмуд II до конца июня 1812 г. воздерживался от ратификации. Однако под угрозой расторжения Бухарестского договора он был вынужден сделать это. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Бухаресте 2 (14) июля 1812 г.

На следующий же день, т.е. 3 (15) июля, П.В. Чичагов отправил в Белград дипломатическому представителю России в Сербии Ф.И. Недобе копию текста ст. VIII Бухарестского договора с инструкцией, в которой предписывал разъяснить сербам причины, побудившие правительство России согласиться на такие условия, и убедить Карагеоргия начать переговоры с Портой о заключении сербо-турецкой конвенции [24. С. 468–471. П.В. Чичагов – Ф.И. Недобе, 3 (15) июля 1812 г.]. Верховный вождь сербского народа, со своей стороны, также известил Чичагова о получении от верховного визиря предложения начать переговоры о заключении договора о мире между сербами и Портой. Однако Карагеоргий нашел эти предложения непри-

емлемыми, поскольку, с его точки зрения, сдача туркам крепостей и орудий не только обезоружит сербское воинство, но и обесчестит весь сербский народ [25. С. 262–263. Карагеоргий – П.В. Чичагову, 10 (22) июля 1812 г.].

В течение года Карагеоргий под разными предлогами уклонялся от заключения мира с Портой, что привело к жестокому подавлению восстания.

Рассмотренные свидетельства документов позволяют заключить, что при сложившейся к маю 1812 г. экстремальной ситуации главнокомандующий Дунайской армией М.И. Кутузов и российские уполномоченные на русско-турецких переговорах, проходивших в 1811–1812 гг. в Джурджу и Бухаресте, ценой ряда вынужденных уступок с большим трудом смогли добиться максимума возможного как для России, так и для сербских повстанцев. Только безотлагательная необходимость избежать ведения войны Россией на два фронта, и с Францией, и Турцией, заставила Александра I решиться на ратификацию невыгодного для России и сербов Бухарестского договора 1812 г. за день до нападения Наполеона на Россию. При таких чрезвычайных обстоятельствах, на мой взгляд, вряд ли было бы уместным предъявлять претензии правительству России. В данной связи обращает на себя внимание и тот факт, что в ходе переговоров российские уполномоченные испытывали наибольшие трудности именно при решении сербского вопроса, поскольку турецкая сторона категорически отказывалась от его рассмотрения, ссылаясь на то, что этот вопрос является исключительно внутренним делом Турции. На этом основании турецкие уполномоченные, следуя предписаниям из Стамбула, до последних дней отказывались включать в договор особую статью о сербах.

Как мне представляется, нет оснований упрекать М.И. Кутузова и правительство России в том, что об условиях ст. VIII Бухарестского договора сербы узнали раньше от турок, а не от русских. В данной связи напрашивается вопрос: а мог ли Кутузов сообщить сербам условия ст. VIII не ратифицированного царем договора? Если принять во внимание скандальную историю с поспешной ратификацией К.И. Мейендорфом условий Слободзейского перемирия в 1807 г., навлекшей на него гнев Александра I (см. об этом: [289. С. 31–70]), то ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Поскольку Кутузов помнил об этом и к тому же знал о недовольстве царя ходом переговоров, то, естественно, он не мог, да и не имел права пойти на такой шаг. Между тем условия ст. VIII, как этого требовала общепринятая дипломатическая практика, были отправлены сербам без задержки на следующий же день после обмена ратификационными грамотами.

С другой стороны, верховный вождь сербских повстанцев Карагеоргий и его советники по получению условий ст. VIII Бухарестского договора располагали достаточным временем для всесторонней оценки как собственных возможностей для защиты достигнутых в ходе восстания завоеваний и расстановки сил великих держав в Европе вообще и особенно на Балканах, так и для прогнозирования последствий, которые могут возникнуть в случае отказа сербов заключить мир с Портой на условиях ст. VIII Бухарестского трактата. Трудно предполагать, как могли бы развиваться события в Сербии, если бы Карагеоргий и его советники, проявив мудрость государственных деятелей и трезвый расчет опытных политиков, согласились заключить мир с Портой на условиях ст. VIII. В этом случае, на мой взгляд, сербские повстанцы, несомненно, сохранили бы значительные военные силы и существенную часть завоеваний, добытых ими в ходе восстания 1804–1813 гг. При принятии решения об отказе заключать мир с Портой на условиях ст. VIII у Карагеоргия и его советников, судя по всему, взяли верх не мудрость и расчет, а чувство оскорбленных воинов и обида искренних патриотов за то, что, помимо их воли и вопреки надеждам народа, Россия не смогла убедить или принудить силой Порту предоставить сербам право выделиться из состава Османской империи и создать собственное государство. Отказываясь от признания условий ст. VIII Бухарестского договора 1812 г., Карагеоргий, образно выражаясь, в погоне за "журавлем в небе" добровольно выпустил из рук "синицу", которую ему вручило правительство России.

И тем не менее, несмотря на подавление сербского восстания превосходящими силами турецких войск в 1813 г. и утрату всех завоеваний, достигнутых повстанцами в 1804–1813 гг., ст. VIII Бухарестского договора 1812 г. сыграла свою положительную роль в истории сербского народа и при формировании сербской государственности. Зафиксированное в статье международного договора еще до подавления восстания 1804–1813 гг. право сербов на самоуправление из области серборецких отношений впервые было включено в сферу действия международного права. А это означало, что сербы получали более надежную правовую основу для законной борьбы за восстановление утраченных в 1813 г. завоеваний. Добившись этого в 1815 г., сербы – при активной поддержке России – продолжили борьбу за расширение прежних привилегий и политических свобод в условиях распадавшейся Османской империи [30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 14–17.
2. *Bystrzonovski Sz.* Serbien, seine europäische Beziehungen und die Orientalische Frage. Leipzig, 1845. S. 57–75.
3. *Wardi H.* Serbien in seiner politischen Beziehungen insbesonders zu Russland. Leipzig, 1877. S. 31.
4. *Baker J.* Turkei in Europa. Stuttgart, 1878. S. 222.
5. *Gopčević S.* Rusland und Serbien von 1804–1815. München, 1916. S. 101.
6. *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События. Документы. Историография. Нижний Новгород, 1999. С. 93–146.
7. *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја српског устанка. Београд, 1979. Књ. 1. С. 340–341.
8. *Грачев В.П.* История Первого сербского восстания 1804–1813 гг. в собрании В. Богишича // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С. 271–291.
9. *Новаковић Ст.* Васкрс државе српске. Београд, 1954. С. 181–182, 199–200.
10. *Гавриловић М.* Сполна политика Србије у XIX веку // Из нове српске историје. Београд, 1926. С. 100–103; *Гавриловић М.* Почеци дипломатских односа Велике Британије и Србије // Из нове српске историје. Београд, 1926.
11. *Ђорђевић М.Р.* Питање самоуправе Србије 1791–1830. Београд, 1972. С. 82.
12. *Yankovič D.* Srpska država prvog ustanka. Beograd, 1984. S. 179.
13. *Милосавлевић П.* Србија у балканској политици Русије 1804–1812 гг. // Историјски значај српске револуције 1804 године. Београд, 1983.
14. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в правление Александра I с 1806 до 1812 г. СПб., 1848. Ч. II. С. 261–264.
15. *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. Кн. 7/8. С. 89–167, 525–575.
16. *Дубровин Н.Ф.* Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. СПб., 1864. Т. 36. С. 203–256.
17. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. III.
18. *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 г.. М., 1905.
19. *Попов А.Н.* Славянская заря 1812 г. // Русская старина. СПб., 1892. Т. 76. С. 617–642; 1893. Т. 77. С. 87–120.
20. *Уляницкий В.А.* Материалы к истории восточного вопроса 1808–1813 гг., извлеченные из архива императорского Константинопольского посольства // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. (Сборник РИО). М., 1901. Кн. 4 (199). С. 1–196.
21. *Горяинов С.М.* 1812 год. Документы Государственного и Санкт-Петербургского главного архива. СПб., 1912.
22. Кутузов в Дунайских княжествах. Сборник документов. Кишинев, 1948.
23. М.И. Кутузов. Сборник документов под редакцией Л.П. Бескровного. М., 1952. Т. III.
24. Внешняя политика России XIX – начала XX века. Серия первая. Документы российского МИД 1801–1815 гг. М., 1967. Т. V; М., 1962. Т. VI.
25. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. М., 1983. Кн. 2.

26. Архив внешней политики Российской империи. Фонд: Канцелярия МИД.
27. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
28. *Казаков Н.И.* Проект адриатической экспедиции П.В. Чичагова в 1812 г. и русско-сербские взаимоотношения в период ее подготовки // Југословенске земље и Ӧусија за време првог српског устанка 1804–1813 гг. Београд, 1983. С. 341–353.
29. *Грачев В.П.* Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия 1807–1808 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX в. и Россия. М., 1992. Ч. I. С. 31–70.
30. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX века. М., 1986. С. 92–163.